

УДК 7.01

ФЕНОМЕН ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Хагба Ю. С., Костомаров А. С.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королёва, г. Самара

В современной философии и теории литературы большую роль играет теория интертекстуальности. «Весь мир – текст», «текст – единственно возможная модель реальности» - тезисы, выдвинутые французским теоретиком литературы и философом Ж. Деррида, определяют новый вектор развития теории художественного текста во второй половине двадцатого века – создание метапрозы и исследование феномена интертекстуальности, рассматриваемого как своеобразный способ демонстрации авторского видения мира и литературы в целом. С этим связана актуальность данной работы: одной из важнейших задач современного литературоведения и философских исследований в целом является формулировка структурных особенностей постмодернистских художественных текстов и поиск основополагающих принципов, закономерностей их построения.

Впервые термин «интертекстуальность» был употреблен французским философом-постструктуралистом Ю. Кристевой. Исследователь писала об интертекстуальности как о «динамике текстов». Текст, согласно теории Ю. Кристевой, - это поле взаимного и многоуровневого обмена великого множества фрагментов целой плеяды предшествующих текстов, которые в процессе взаимодействия, так или иначе, возрождают или отрицают друг друга. Важным в философской парадигме Кристевой оказывается разграничение понятий «интертекстуальность», определяемой как бесконечный процесс взаимодействия текстов, и «интертекст» - объекта, который возможно ограничить и распознать. Позже Ю. Кристева развивает свою мысль и дополняет, что интертекстуальность необходимо определять через термин «транспозиции» («пермутации»): в художественном пространстве текстов несколько отдельных высказываний, постоянно взаимодействуя, непосредственно пересекаются и нейтрализуют друг друга. По Ю. Кристевой, интертекстуальность представляется как «теория безграничного бесконечного текста» [5]. Исходя из этого понимания феномена, интертекстуальность в абсолютно любом произведении создается через определенный набор общих кодов и знаковых систем. Эти культурные коды, заложенные в тексте, расположены на разных уровнях построения текста и находятся в процессе постоянного взаимодействия, что не позволяет говорить о семантической завершенности текста.

Р. Барт дополняет идеи Ю. Кристевой в 1970-х годах и определяет текст через категорию «продуктивности»: основой текста становится не его имманентная внутренняя структура, которая поддается стандартному литературному анализу, а его соотнесенность с другими кодами, текстами и знаками. Отмечая изменение классической роли автора в процессе создания текста, Р. Барт утверждает, что автор теперь исполняет лишь «игровую» роль, так как новая философская парадигма требовала преодоления «власти автора». Собственное значение текст способен реализовать исключительно в читательском дискурсе, поскольку только в сознании читателя происходит соотнесение текста с известным ему культурным контекстом. Р. Барт дал универсальное определение интертекстуальности: «Каждый текст является интертекстом, другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее знакомых формах: текстах предыдущей культуры и текстах сегодняшней культуры» [4].

Итальянский философ Умберто Эко разработал принцип интертекстуального диалога, основанный на концепте распознавания и дешифровки прецедентных текстов в новом художественном тексте. Для расшифровки закодированных в постмодернистском тексте смыслов необходимо создание нового типа читателя – «критического читателя» вместо обывательски настроенного «наивного» адресата. Философ пишет о «децентрации» роли автора в художественном тексте, наделяя постмодернистского читателя ролью «со-автора <...> мира художественного произведения» [2]. Для осуществления диалога сам автор должен учитывать, что «комплекс применяемых им кодов» [3] совпадает с системой субкодов потенциального читателя. В отличие от Р. Барта, У. Эко не согласен с радикальными утверждениями о «смерти автора», «конце истории», «конце читателя» как с основополагающими принципами постмодернистского литературного дискурса.

В современной же культуре феномен интертекстуальности эволюционирует и приобретает новое значение. Российский философ А.К. Секацкий противопоставляет постмодернистскую парадигму современному концептуализму или критическому реализму. С точки зрения автора постмодерн связан с игрой, с ироничным отношением к действительности («ничто не всерьез»), с отсутствием автореференции художника. Современное искусство характеризуется возвращением «авторизации», ответственностью художника за свое высказывание, автореференцией художника и его «предельной серьезностью», противопоставляемой «иллюзионизму» постмодернизма [7]. С помощью интертекстуальных связей художник уже не отсылает к другим текстам или художественным традициям, с помощью текста художник кодирует актуальные проблемы эпохи, давая свою авторскую интерпретацию современному культурному процессу. В этой связи меняется роль читателя. Если постмодернистский текст был ориентирован на создание «критического читателя», который способен определить субкоды художественного произведения, то современное художественное произведение побуждает человека к действию, к определенной экзистенциальной практике.

Библиографический список

1. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Кристева Ю. [пер. с фр.]. – М.: РОССПЕН, 2004. – 656 с.
2. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах / Эко У. – М. «Симпозиум», 2002. – 228 с.
3. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Эко У. – М. «Симпозиум», 2005. – 202 с.
4. Барт Р. Смерть автора. // Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Барт Р. – М. 1989. – 748 с.
5. Кристева Ю. Революции поэтического языка / Кристева Ю. – «Вестник МГУ. Сер. 9, Филология», 1995. – 447 с.
6. Секацкий А.К. Постмодернизм и то, что за ним // URL: <https://youtu.be/SqVfi9ArMVc>, 26.04.2017.